

Первая встреча. Последняя встреча

В. Распутин, С. Куняев, Т. Миронова, Ст. Куняев

Григорьевич сказать при первой встрече мне, не знакомой, а только рядом стоящей с мужем — писателем Александром Семёновым, которого Валентин Григорьевич знал и ценил за творческий дар, мировоззренческое сходство.

Именно первая встреча в 1990-м году положила прочное начало нашим самым сердечным отношениям. Первый трепет перерос в радостное волнение каждой новой встречи. И однажды я сказала Валентину Григорьевичу, что в моей душе, в самом сокровенном уголке есть место, которое занимает только он. И как бы ни был велик наш русский язык, не всегда удается передать словами чувства — их палитра настолько сложна и многогранна, они находятся на таком тонком, порой интуитивном уровне, что нет слов. Он понял меня, внимательно посмотрел, поверил. Это было чувство родства, совпадения, которому я не удивилась, но которое как-то по-особому грело. И о величии его таланта думалось светло. Господь наградил его свойством прямого монолога, откровенного — от сердца к сердцу — с людьми. Ведь писатель всегда в монологе. Не зря на Руси великих писателей называют пророками. Они видят наперёд, больше того, что для остальных сокрыто за пеленой сегодняшнего дня. Но люди это чувствуют — его правду. Слушают и верят ему.

Не сразу, не по горячему впечатлению, а годы спустя сказала «Первая встреча», посвящённая В.Г. Распутину:

*В раздумье голову склоня,
Распутин смотрит на меня
И держит паузу упорно.
Вопрос, конечно, очень спорный —
Мне тоже паузу держать
Иль разговор самой начать?*

*Преодолеть смущенье сложно,
А постараться — так возможно.
Но на замке мои уста,
И сковывает немота.*

*Что я могу сказать такого,
Что стоит одного лишь слова
Распутина? И я молчу.
Так тихо-тихо. Только, чу!*

*Заговорил.
О чём? — Бог весть,
Но предо мною он как есть.
Такой,
как чувствует душа,
Запомнить этот миг спеша.*

Валентин Григорьевич — мыслитель от земли Русской, отсюда великолепный дар публициста, отсюда же проистекает его несловоохотливость. Мне кажется, что часто у устного рассказчика слова опережают мысль. Но есть чудесные образчики, когда талант писа-

теля сочетается с искромётным талантом рассказчика. И мне сразу вспомнился Владимир Николаевич Крупин, творчество которого задевает моё сердце и которого мне доводилось слушать при частых встречах на «Сиянии России» и при редких встречах в Москве. И греют моё сердце (но не тщеславие) его слова, что моя книжка стихов лежит на его столе и он к ней время от времени возвращается. Вспомнилось, как он рассказывал о первых своих поэтических опытах с улыбкой.

Казалось бы, таких разных, Распутина и Крупина, связывала многолетняя, более сорока лет, крепкая дружба. Сдержанная мужская теплота, как мне виделось, проявлялась скорее в движениях души, в жестах, чем в словах. Хотя, кто знает, о чём они говорили наедине друг с другом? До последнего дня Владимир Николаевич был рядом с Валентином Григорьевичем.

* * *

Валентин Григорьевич от природы — это невозможно в себе воспитать — обладал редчайшей деликатностью. И она проявлялась в тех самых случаях, когда природа, я бы сказала, порода Распутина, безошибочно это подсказывала. При этом в нём, казалось бы, сочеталось несочетаемое — эта самая деликатность с твёрдостью взглядов, с решимостью в поступках, отстаиванием справедливости во всём — в отношениях к людям и к земле-матушке, в словах и в делах.

Чтобы понять, откуда идёт вся натура Распутина, достаточно прочитать его рассказ «Уроки французского». Рассказ автобиографический, при этом необыкновенно художественный, наполненный неповторимой интонацией автора. Конечно, все мы — из детства. Но кого-то жизнь ломает, кого-то ничему не учит, кто-то (и очень многие) уходят от своих природных и родовых корней. Распутин — сын своей земли, не просто любящий сын, а болеющий за неё, и не только болеющий, но и бьющий в набат, в вечерней колокол о её спасении. Боец на мировом поле брани. Потому что всем своим творчеством отстаивает общечеловеческие ценности. Вот почему его читают по всему миру. Специалисты берутся за перевод распутинского слога, непростого, наполненного метафорами и аллегориями, чтобы донести до читателей главное: мир будет жив, если будет жива совесть человеческая.

* * *

Одним из порочных явлений современного мира Распутин считал лживость. Ведь что такое ложь? Это искажение действительности, когда белое называют чёрным и наоборот, да даже пусть не так резко, но и полутона — большая помеха понять реальность и действовать соответственно ей. Ложь — это сознательное блуждание в тумане, где творятся тёмные дела. И туман этот с каждым годом всё сильнее сгущается. Он это знал, говорил об этом. Только слышали ли, что мир катится в бездну? На наших глазах узаконивается блуд — телесный и словесный, он был во все времена, но всё-таки вне закона. А сегодня идёт информационная война на всех фронтах, пострашнее любой другой войны, потому что на корню губятся души тех, кто завтра должен держать мир в своих руках. Души молодые. Им внушается, что то, что казалось срамным и непристойным, на самом деле в порядке вещей. Но не все так доверчивы или слепы. И пока есть человеческое достоинство, которое впитывается с молоком матери и укрепляется мужеством отца, пока жива любовь к отечеству, к его младенцам и старикам, к памяти павших за отечество — мир не рухнет.

* * *

Говорят, он был неулыбчив, несколько отстранён, даже неприступен. Классик. Я знала его другим: сдержанным и внимательным, улыбчивым и с чувством юмора. Знающим цену своему слову, умеющим держать паузу, так смущавшую многих, как и меня вначале. Потом я к этим длиннотам молчания привыкла, и они меня не смущали. Разговор возобновлялся так же естественно, как будто и не прерывался. Он ведь вообще по натуре своей

не был говорун и оратор. Он был мыслителем, великим писателем. Но никогда своё величие не ограждал неприступностью. Ему не нужно было это ограждение вроде холодной отстранённости от лихих набегов или расслабляющего славословия. Он сам в себе был крепость. И, прежде всего, крепость духа.

* * *

Последняя встреча с Валентином Григорьевичем была в Иркутске в октябре прошлого года, мы вдвоём с Александром Семёновым пришли к нему домой по его приглашению. Он, как всегда, встретил нас тепло. Слегка похудевший, подтянутый, говорил, что физически чувствует себя нормально, силы есть, только память слабеет. У меня не ёкнуло сердце в предчувствии, что видимся в последний раз, а Саша почувствовал и позже об этом вспоминал. Когда уходили, Валентин Григорьевич сказал: не теряйтесь, будете в Москве, заходите. Мы попрощались. Назавтра он улетал в Москву. О смертельной болезни ещё не знал. За пять месяцев сгорел.

* * *

Была ещё у нас последняя встреча, уже на отпевании в храме Христа Спасителя. Господь сподобил нас с Александром Семёновым в этот горький час оказаться в Москве проездом из Иерусалима. Зашли в редакцию журнала «Наш современник», редактор Станислав Куняев пригласил к себе в кабинет помянуть Валентина Григорьевича. На следующий день мы стояли с народом, который пришёл проститься с Валентиной Распутиным, сказать ему последнее «прости» и поклониться. Мы прощались навсегда.

Мы слушали слова Патриарха Кирилла об усопшем, и сердце волновалось, и проникалось величием происходящего. Позволю себе привести прощальное слово Патриарха: *«История нашей русской литературы явила множество замечательных имен. Писателей, которые отличаются от большинства людей, пишущих художественные тексты, мы называем известными, популярными, выдающимися или великими. Последнее определение даётся только тем писателям, которые оставляют особый след в истории литературы, в истории мысли и в духовной истории своего народа. Совершенно очевидно, что Валентин Григорьевич Распутин был одним из великих русских писателей XX века... Самым главным критерием в определении величия писателя является понимание того, что происходит в душе человека после прочтения художественного текста: он становится лучше или хуже, его душа поднимается к небу или расплывается над землёй, он возвышает свой дух или разрушает его, приближаясь к образу животного бытия... Валентин Григорьевич Распутин стал великим при жизни, потому что все его творчество пронизано этим стремлением помочь человеку обрести иное видение, поднять его над повседневностью».*

* * *

На память от Валентина Григорьевича у меня осталась икона, которую он привёз из Иерусалима несколько лет назад и подарил мне по движению души. Просто посреди разговора у него дома в Иркутске он встал и начал искать икону, сетуя, что память слабеет: вот положил, приготовил и забыл, куда. Нашёл. Сказал, что вёз для меня эту икону со Святой земли — Иерусалимскую Пресвятую Богородицу. На последний поклон я пришла к нему в храм Христа Спасителя, вернувшись за день до его кончины из Иерусалима.

Татьяна МИРОНОВА